

Джин собственноручно убил своего отца. И всё ради кого-то особенного.

На обратном пути А-Эр только об этом и думал. Перед глазами упорно стоял этот холодный, вечно отстранённый силуэт, и он никак не мог вообразить, чтобы подобный человек искренне дорожил кем-то другим.

«Раз не получается, незачем и голову забивать».

Защитные механизмы психики сработали мгновенно. Отмахнувшись от навязчивых мыслей, А-Эр открыл дверь в номер. Джин всё ещё был там. Заметил ли он его отсутствие? Кто знает.

Ночью А-Эру приснился странный сон.

В этом сне кто-то мёртвой хваткой держал его за запястье — с такой силой, будто вознамерился раздробить кости. Незнакомец даже не оборачивался, упрямо и молча увлекая его за собой. А-Эр не поспевал за его широким шагом, то и дело спотыкаясь, едва не падал, но — странное дело — даже не помышлял о том, чтобы вырваться. Казалось, эта связь была предрешена с самого рождения, став чем-то само собой разумеющимся.

В следующий миг видение сменилось. Теперь А-Эр стоял в соборе, облачённый в белоснежное свадебное платье. Рядом высилась Вермут, наряженная в щегольской мужской костюм, который подчёркивал её статную фигуру. Даже равнодушный к чужой эстетике А-Эр на секунду засмотрелся на неё. Вокруг, утирая слёзы умиления, теснились сотрудники «Винного завода», изображавшие родню со стороны невесты. На почётном месте в первом ряду восседал мужчина в строгом чёрном сюртуке, вместо головы у которого чернела огромная воронья башка.

«С какой стати я добровольно шагаю в эту могилу супружества? — панически соображал А-Эр. — Один раз я из гроба уже вылезал, повторения мне точно не надо!»

Тут тяжёлые двери храма распахнулись. Внутрь размашистым шагом вошёл Джин в своём неизменном чёрном пальто. Окинув алтарь холодным взглядом, он процедил:

— Похоже, я не вовремя.

Губы А-Эра зашевелились сами собой, и он выпалил:

— Нет, ты как раз вовремя!

В ответ на это суровый Джин кокетливо улыбнулся и вместе с Вермут нежно прильнул к широкой груди А-Эра.

«Какая дичь!»

А-Эр мысленно закричал раненой жабой. Выдав сочную, пятиэтажную тираду, он резко сел на постели, тяжело дыша. Дикий бред рассеялся — это был всего лишь сон.

Смахнув со лба холодный пот, он невольно усмехнулся: видеть сны внутри чужого наведённого сна — это, конечно, особый вид извращения.

В следующие несколько дней А-Эр вышел на связь со своим здешним информатором. Конана Эдогаву отыскать удалось без проблем — Рей Фуруя уже спрятал мальчишку на одной из своих конспиративных квартир. А вот маленькую Аюми Ёсиду словно корова языком слизала — никаких зацепок.

А-Эру не оставалось ничего другого, кроме как тайно обратиться к Вермут. Та согласилась на удивление легко — настолько легко, что он невольно почуял подвох. Когда он спросил, какую плату она потребует взамен, Вермут лишь приложила изящный пальчик к губам и загадочно улыбнулась:

— Оставим это на потом. Не переживай, сладкий, когда-нибудь ты мне обязательно понадобишься.

«Вот после таких слов я как раз спать спокойно и не смогу».

Но сейчас спасение детей стояло на первом месте. К тому же всё происходящее оставалось лишь иллюзией, никак не связанной с реальной Вермут. Рассудив так, А-Эр просто кивнул и принял условия сделки.

Примерно тогда же от верхушки Организации поступил новый приказ: Джину предстояло отправиться на совместное дело с троицей «Виски».

«Эффект бабочки во всей красе».

Должно быть, Рей Фуруя попытался вмешаться в прошлое, чтобы разорвать сонный морок, и спрятал человека, который должен был стать их целью. В итоге руководство Организации заподозрило неладное и решило прощупать троицу ещё раз.

Изначально А-Эр планировал отсидеться в тепле и побездельничать, но в утро операции проснулся ни свет ни заря. На душе скребли кошки, правое веко нервно подёргивалось — предчувствие беды было почти осязаемым. Поколебавшись, он перехватил собравшегося уходить Джина и заявил, что тоже идёт на дело.

Джин, разумеется, не упустил случая съязвить, процедив сквозь зубы, что солнце, верно, взошло на западе, раз великий бездельник снизошёл до работы.

Тем не менее он уступил. Когда дело не касалось принципиальных вопросов, Джин проявлял к А-Эру удивительную снисходительность.

С заданием они управились быстро. Решив, что утренняя тревога была лишь плодом разыгравшегося воображения, А-Эр отошёл в сторонку, чтобы купить банку холодного чая в автомате.

Мир взорвался в одну секунду.

Дикий грохот выбил воздух из лёгких. А-Эра швырнуло на асфальт ударной волной. В глазах мгновенно потемнело, руки и ноги налились свинцом, а в ушах заныло так, словно туда залили раскалённый свинец. Он коснулся ушной раковины — пальцы вернулись мокрыми от крови.

Природа наделила его исключительно острым слухом, но у этой медали была и обратная сторона — уязвимость. Громкие звуки ранили сильнее. Взрыв начисто разорвал барабанные перепонки, погрузив реальность в ватную, глухую тишину.

Даже сквозь пелену оглушения он видел, как окрестные здания охватило бушующее пламя. Раскалённый воздух дрожал, искажая очертания домов, клубы едкого дыма заволокли небо. Улицу захлестнула паника. Люди метались из стороны в сторону, давя друг друга, а посреди этого ада испуганно ревели потерявшие родителей дети.

Стиснув зубы от боли, А-Эр окинул взглядом руины. Взрыв прогремел в магазине прямо за автоматом — теракт, не иначе. От здания почти ничего не осталось, и выжить там внутри было нереально. Ему самому повезло лишь благодаря невероятной живучести своего тела, иначе от него и мокрого места бы не осталось.

Надо же было оказаться в самом эпицентре. Причём в реальном мире в этот день никакой трагедии не происходило.

«Снова эффект бабочки».

Цепная реакция запустилась, и последствия настигали их одно за другим. Играть с прошлым даже в мире грёз оказалось смертельно опасной затеей. Представляю, что сейчас творится в душе у Рей Фуруи.

Но стоило подумать о нём, как Рей оказался лёгок на помине. Он бежал сквозь клубы дыма, бледный и сосредоточенный. Губы его зашевелились, и А-Эр по их движению догадался:

— Ты цел?!

Взгляд Фуруи скользнул к струйке крови, сбегающей из уха А-Эра. Поняв, что парень временно оглох, Рей тут же перешёл на быстрый армейский сурдоперевод.

«Какая-то наёмная шваль из проклинателей устроила теракт. Целились в родителей того чиновника, которого мы спрятали. Джин получил срочный вызов и умчался, бросив тебя здесь. Я вспомнил, что ты шёл к автоматам, и бросился следом».

А-Эр кивнул, собираясь уходить вместе с ним, но заметил, что Рей застыл, провожая взглядом мечущуюся толпу.

Дым становился гуще, удушливее. В любой момент мог рвануть утекший газ или уцелевшая взрывчатка. Пожар разгорался, а далёкий вой сирен тонул в общем хаосе, долетая до оглохшего А-Эра словно из-под толщи воды. Кровь, огонь, вопли раненых, топот сотен ног — настоящий ад на земле.

В отсветах пламени смуглая кожа Рея казалась совсем тёмной, а в глубине его фиалковых глаз горел огонь куда более яростный, чем бушевавший вокруг пожар.

«Это просто сон. Те, кто погибнет здесь, в реальности останутся целыми и невредимыми. Нам нужно убираться отсюда и возвращаться к Джину».

Но озвучивать эту мысль не имело смысла. Если бы Рей умел холодно взвешивать выгоду и игнорировать чужую боль ради рациональности, он бы просто не был Рей Фуруей.

Да и иллюзия пугала своей безупречной детальностью. Этот мир дышал, страдал и кровоточил, как настоящий.

Грудь Рея прерывисто вздымалась секунды три, не больше, а затем он взял себя в руки. Даже не кивнув на прощание, парень рванулся прямо в пекло — туда, где в давке сбили с ног раненых и маленьких детей.

А-Эр молча смотрел вслед этой стремительной, упрямой фигуре. В голове мелькнула совсем неуместная мысль:

«До чего же он красив».

Когда окружающие расточали комплименты его собственной внешности, А-Эр оставался абсолютно равнодушен. Но при виде подобных душ, сияющих чистым, ослепительным светом среди грязи и пепла, он каждый раз замирал в немом восхищении.

Ради одного этого зрелища стоило остаться и помочь.

Он отключил скрытность и взобрался на обломок бетонной колонны. Набрав в лёгкие воздуха, А-Эр крикнул, призывая толпу к порядку. Сработал эффект пассивной карты **[Всеобщее внимание]** — даже посреди бушующего хаоса люди невольно замерли и обратили на него свои взоры.

Обычно эта навязанная Системой способность лишь раздражала, но сейчас она пришлась как нельзя кстати, предотвратив неминуемую давку и новые жертвы.

Спустившись, А-Эр принялся помогать прибывающим патрульным организовывать эвакуацию.

Рей, стараясь не привлекать лишнего внимания к своей персоне, держался поодаль. Он помогал санитарам грузить на носилки тяжелораненых, накладывал жгуты и повязки тем, кто мог идти сам. Пострадавших было слишком много, рук катастрофически не хватало, но его спокойная уверенность оказалась заразной — вскоре к нему присоединились уцелевшие прохожие и те из раненых, кто отделался лёгкими ушибами.

Кое-кто из пострадавших, находясь в состоянии шока, пытался бодро уверять, что с ними всё в порядке, но наметанный глаз Рея сразу распознавал скрытые травмы, и упрямцев без лишних разговоров заталкивали в машины скорой.

А-Эр в медицине смыслил слабо. Ему, как игроку, способному пережить лобовое столкновение с грузовиком или отделаться лопнувшей перепонкой от близкого взрыва, было трудно судить о хрупкости человеческих тел. Так что сортировку раненых он целиком оставил на профессионала.

Потерявшихся ребятишек А-Эр собрал в кучу и отвёл в ближайший уцелевший магазинчик, оставив под присмотром хозяина. Дети на удивление быстро притихли и уставились на него заворожёнными глазами — его ангельская внешность действовала на них как лучшее успокоительное.

Когда суматоха поутихла, А-Эр почувствовал себя выжатым как лимон. Лицо заливал пот, серебристые пряди спутались и липли к шее. Одолжив у кого-то резинку, он небрежно перехватил волосы на затылке. Благодаря регенерации слух постепенно возвращался, хотя мир вокруг всё ещё звучал глуховато.

Решив перевести дух, он направился к палатке за холодной водой, но вдруг затылком почувствовал чужой взгляд. А-Эр резко повернулся к тёмному переулку.

Там, глубоко в тени стен, прятался человек. Высокий, с неприметным лицом и без одной руки. Обычный прохожий ни за что бы его не заметил. Но этот незнакомец смотрел на А-Эра с такой жгучей ненавистью и брезгливостью, что воздух, казалось, искрил.

«Вот и наш подрывник».

От мужчины исходила удушливая, тёмная аура, какую не встретишь у обычных людей. К тому же от него разило гарью, а наглый, торжествующий взгляд, которым он обводил бушующее пламя, выдавал его с головой. Мерзавец явно упивался своим «шедевром».

А-Эр почувствовал его без труда: хищник всегда узнаёт другого хищника в толпе жертв. Те, кто привык ходить во тьме, безошибочно вычисляют чужую силу. А А-Эр в этом искусстве преуспел как никто другой.

Вот только за какие грехи этот проклинатель вспылал к нему такой личной неприязнью, оставалось загадкой.

— Белые волосы, алые глаза... Так это о тебе без конца печётся Сидзука Годзё? — тихо, но отчётливо произнёс мужчина.

А-Эр точно знал, что видит этого калеку впервые. Хотя... кто знает. Миры начали сливаться, а временные линии текли с разной скоростью — на стороне Сидзуки время летело быстрее. Да и этот сон больше напоминал параллельную реальность. Кто знает, вдруг в симуляторе были заложены альтернативные сценарии?

А-Эр промолчал, и проклинатель продолжил с кривой усмешкой:

— Хех, ума не приложу, что Сидзука в тебе нашёл. Будь это Сатору Годзё — я бы ещё понял. Но ты... Обычный слабак без капли проклятой энергии. Как ты вообще умудрился привлечь его внимание? Разве что смазливой рожей.

От этой волны чужой ревности А-Эра так и подмывало поморщиться. Он сухо спросил:

— Он тебе кто, мамочка родная?

— Хватит пороть чушь! — огрызнулся тот. — Как такой человек, как господин Сидзука, может иметь дело с убийцей вроде меня?

— Тогда какого чёрта ты...

— Но! — перебил его проклинатель, и на его лице проступила безумная, фанатичная улыбка, словно он хвастался величайшим сокровищем. — Он лично отрубил мне руку! Его след, его аура до сих пор живы в этом шраме...

Мужчина с придыханием лизнул культю.

— Я даже протез носить не стал, лишь бы не осквернять его подарок.

«Больной ублюдок».

А-Эр не собирался тратить время на бредни сумасшедшего. Не говоря ни слова, он наотмашь влепил придурку пощёчину. Урон копеечный, зато унижение максимальное.

Впрочем, проклинатель от этого удара отлетел назад, пробил спиной ветхую кирпичную стену и, рухнув в пыль, зашелся кровавым кашлем. Ладно, физический урон тоже оказался солидным.

Сплюнув кровь, тот уставился на него с дикой злобой и внезапным озарением:

— Небесное ограничение!.. Так вот почему он выбрал тебя!

«Да прекрати ты уже эту дешёвую мелодраму».

К счастью, этот тип не владел манипуляцией проклятыми духами, как Сугуру Гэто. Без проклятой энергии и нормального оружия А-Эру пришлось бы туго против невидимых тварей. А вот с обычными людьми он умел справляться сотней разных способов.

Одним прыжком настигнув врага, А-Эр повалил его на землю и принялся методично ломать ему челюсть. Однако проклинатель исхитрился высвободить уцелевшую руку и сделал быстрый пасс у его лица.

Раздался сухой щелчок.

Левую сторону лица А-Эра разорвало локальной вспышкой. Кожу мгновенно обуглило, брызнула горячая кровь. Адская боль обожгла нервные окончания, но парень даже не зажмурился.

«Значит, его техника — взрывы. Понятно, почему Сидзука лишил его руки. Жаль, вторую оставил».

А-Эр навалился на него всем весом, прижимая к земле. Приблизившись к перекошенному от ужаса и какого-то странного, лихорадочного возбуждения лицу проклинателя, он прошептал ему на ухо мягким, почти нежным голосом:

— Без одной руки ходить неэстетично. Давай я сделаю так, чтобы всё было симметрично?

Договорить тот не успел — дикая, неопишуемая вспышка боли заставила его содрогнуться в конвульсиях и мгновенно лишила чувств.

Убедившись, что ублюдок окончательно отключился, А-Эр пошёл искать Фурую. Тот, не желая светиться перед полицией, скрылся в тенях, как только кризис миновал. При виде приближающегося А-Эра в его глазах промелькнуло беспокойство.

— Я взял подрывника, — коротко бросил А-Эр, опережая расспросы.

Рей быстро набрал номер, вызывая своих людей для транспортировки пленного, после чего

повернулся к А-Эру:

— Но почему он напал именно на тебя? После такой шумихи ему следовало бежать без оглядки.

А-Эр неопределённо повёл плечом и упомянул Сидзуку Годзё. Псих просто обезумел от банальной ревности.

На лице Фуруи отразилась сложная гамма чувств — от глубокого изумления до искреннего сочувствия собственной расшатанной психике. В конце концов он лишь устало вздохнул:

— И с Сидзукой Годзё ты тоже как-то связан?

«Что ещё за взгляд в духе "я так и знал"? И к чему это многозначительное "тоже"?!»

Решив подыграть, чтобы выведать побольше о репутации Сидзуки в этом мире, А-Эр хмыкнул:

— А что, мне запрещено заводить знакомства?

— Советую тебе быть осторожнее, — покачал головой Рей. — Любой, кто хоть немного в теме, знает: Сидзука Годзё — фигура крайне опасная и влиятельная. Не лезь на рожон, сгоришь ведь.

«Ишь как заговорил, панибратски прямо. Неужели Сидзука здесь прослыл каким-то роковым обольстителем проклятого мира? Странно, в своей реальности я за ним такого не замечал».

Сам А-Эр тоже не заметил, что растерял былую вежливость и привычную маску дружелюбия. С тех пор как они застряли в этом сне, его настроение пробило дно, а непрекращающиеся взрывы и паника лишь подливали масла в огонь.

— Да ладно тебе, — фыркнул он, отмахиваясь. — Наверное, просто не устоял перед моим очарованием.

А-Эр выглядел сейчас, мягко говоря, неважно: взмокший от пота, со спутанными грязными волосами, а левая половина лица и вовсе представляла собой кровавое месиво после близкого взрыва. И всё же, когда порывистый ветер растрепал серебристые пряди, его глаза блеснули невероятным, живым блеском.

Рей долго молча смотрел на него, а затем едва слышно пробормотал:

— А ты и правда чертовски красив.